

Анастасия Вербицкая

Наденька

Анастасия Алексеевна Вербицкая

Наденька

Аннотация

«– Наденька!.. А Наденька! – звенел в палисаднике возбуждённый детский голосок. – Он у меня палку отыма-а-ет...
– Надежда Митревна, в кладовую пожалуйте! – слышалось с заднего крыльца.
– Наденька!.. Мы ждём чаю! – кричали с террасы.
– Наденька-а... Он у меня палку отыма-а-ет...»

Содержание

Анастасия Вербицкая

Наденька

– Наденька!.. А Наденька! – звенел в палисаднике возбуждённый детский голосок. – Он у меня палку отыма-а-ет...

– Надежда Митревна, в кладовую пожалуйста! – слышалось с заднего крыльца.

– Наденька!.. Мы ждём чаю! – кричали с террасы.

– Наденька-а... Он у меня палку отыма-а-ет...

– Ах, Боже мой!.. (Громко.) Иду... иду сейчас... (Шёпотом.) Господи!.. И отойти от дома не дадут...

Эти восклицания вырвались у молоденькой расфранчённой девушки, которая спешными шагами подымалась на крыльцо дачной кухни. В дверях нарядная кормилица, с лукавой усмешкой на полных губах, дёрнула девушку за рукав.

– Приехал, барышня... На террасе сидит...

– Что ты врёшь! – вспыхнула Наденька.

– Вот те крест!.. Нешто ты его лошадь на дворе не видала?

– Перестаньте драться, дети! – с заметным раздражением воскликнула сидевшая на террасе хозяйка, восхитительно одетая и пикантная шатенка.

– Он у меня палку отыма-а-ет... – уже со слезами вопил хорошенький пятилетний мальчуган.

– Врёшь, Витька, врёшь!.. Моя палка... Я себе взял, – протестовал семилетний Серёжа.

– Перестаньте сейчас! Серёжа, отдай Вите палку! (Витя был любимцем матери.) Слышишь ты? Сейчас отдай! Ах, Боже мой! Куда же это бонна пропала! Наденька!..

– Иду, иду! – отчаянно крикнула Наденька сверху, где она спала с детьми.

Сидя перед крохотным зеркальцем, она пудрила своё слишком румяное лицо.

– Вот что значит иметь молодую бонну! – ядовито усмехнулась Анна Егоровна, соседка Алексеевых по даче.

Это была высокая и высохшая барыня, с ястребиным профилем. Она была известна тем, что прислуга у неё не жила дольше недели. Все ненавидели её и боялись.

Знакомство её с хорошенькой Варварой Андреевной началось с тех пор, как она пожаловалась ей на бонну, которая на кругу строила глазки офицерам. Варвара Андреевна сперва растерялась, потом сообразила что-то и вежливо поблагодарила соседку за участие к её интересам... Но, пожимая красивыми плечами, сквозившими так заманчиво сквозь чёрный гренадин лифа, она заметила соседке, что к молодости надо иметь снисхождение.

– Вы слишком добры, знаю, – зашипела Анна Егоровна. – В другом месте ей не позволят так рядиться и кокетничать. Я за ней давно слежу. Нет, уж вы чересчур снисходительны...

Слабая краска проступила из-под слоя пудры, покрывавшего лицо Варвары Андреевны, и веки её подрисованных глаз дрогнули. «Она что-нибудь знает», – мелькнуло в её го-

лове.

Результатом этого соображения было то, что Варвара Андреевна пригласила зубастую соседку на чашку чаю, и вот уж два месяца как, втайне проклиная эту злобную сплетницу, принимала её с таким почётом, как принимают разве богатую тётку, от которой ждут наследства.

Варвара Андреевна прошла на другой конец террасы, где сидел красивый офицер, с задумчивым видом бивший себя хлыстиком по запялём ботфортам. Там хозяйка опёрлась на перила и насмешливо сощурилась на свою безобразную гостью.

– Я люблю видеть кругом молодые, красивые лица, – заговорила она. – Моя кормилица – тип русской красавицы. Наденька хотя и вульгарна (затаённое злорадство на мгновение прорвалось в её тоне), но всё-таки мила... Не правда ли, Максим Николаич?

Она так внезапно повернулась своим стройным телом к офицеру, что тот вздрогнул невольно. Он видел – да и не он один, – как искра ревнивого чувства вспыхнула и мгновенно угасла в её красивых глазах. И когда он приготовил равнодушный ответ, лицо её уже бесстрастно улыбалось.

– А знаете ли, Анна Егоровна... Я подозреваю, что Наденька у вас поклонника отбила. За что вы её так ненавидите? – вдруг вмешался в разговор сам Алексеев, плотный блондин лет сорока, с большой лысиной и русой бородой.

Он сидел тут же, на ступеньках террасы, в роскошной че-

сучовой паре, подпёрши руками свой жирный подбородок и задумчиво глядя перед собой.

– Вы не допускаете порядочных женщин, никогда не имевших поклонников... и которые считают безнравственным их иметь? – зашипела Анна Егоровна, как-то судорожно усмехнувшись.

Алексеев поглядел на неё.

– Допускаю... в некоторых случаях. – он вынул папироску из массивного серебряного портсигара. – Максим Николаич, передайте-ка спички... А что касается Наденьки, всегда скажу, что очень мила, и девушка порядочная...

– Чем же это порядочная? Что до сих пор ещё не пала?

– Да-с, Анна Егоровна, хотя бы и тем... Мне и то удивительно, что она до сих пор не свихнулась... Ей уже за двадцать лет... Не шутка!

Он раскурил папиросу и далеко швырнул спичку. Она сверкнула в неподвижном воздухе и упала в траву палисадника.

– Какой цинизм! Неужели, по-вашему, так трудно удержаться от падения?

«Тебе-то, наверное, легко», – подумал Алексеев и пустил гостье дым прямо в лицо.

– А как бы вы думали, Анна Егоровна? Ведь, на Наденьку кто только зубы не точит из нашего брата? Аппетитная девочка... Правда, Максим Николаич?

Он повернул голову чуть-чуть в сторону красивого кав-

лериста. В его добродушном тоне и в плутовских заплывших глазках было столько иронии, что офицер вспыхнул и весь как-то подтянулся.

– Она вульгарна, – засмеялся он деланным смехом, чувствуя, что краснеет и что нельзя краснеть. «Ах, чёрт возьми!.. Видел что-нибудь»... – промелькнуло в его кудрявой голове.

Неестественный звук этого смеха заставил Варвару Андреевну измениться в лице.

Ей было тридцать семь лет. Она была удивительно моложавая и интересна. Поклонники у неё не переводились. Но она знала, *чего* стоит ей эта моложавость. Никто никогда не видал её запросто, раздетой; никто – даже муж – не знал, что у неё своё, что фальшивое! Лицо её было удивительно нежно и художественно разрисовано, и только хитрой Наденьке удалось один раз подглядеть, как Варвара Андреевна «оживляет» свой цвет лица. (Конечно, на другой же день кавалерист уже знал об этом.)

Варвара Андреевна как умная женщина не скрывала своих лет. Но она с тайной завистью глядела на банальное, но свежее лицо бонны, незнакомое с косметиками.

На замечание кавалериста Алексеев рассмеялся жирным смехом и опять подмигнул ему.

– Ну да!.. Толкуйте... «Вульгарна»... Зато фальсификации никакой... А свежесть-то? «Бутон», одним словом...

– Витя! – нервно крикнула хозяйка, перегибаясь через пе-

рила. – Сколько раз говорила: не ходи по цветам?

Офицер почуял приближение бури.

– Если она бутон, – вкрадчиво начал он, – то Варвара Андреевна...

– Пышная роза, которую так и хочется сорвать и упить-ся её ароматом, и т. д. и т. д... Вы ничего не имеете, что я кончил за вас? – хладнокровно спросил Алексеев. – Мы так сжились с вами, Максим Николаич, что, когда вы открываете рот, я наперёд угадываю, что вы скажете.

Кавалерист опять вспыхнул и поклонился.

– Какое трогательное единодушие! – заметила Анна Егоровна.

«И чем только этот пошляк пленил Варю? – спрашивал себя Михаил Семёнович. – И неужели она не видит, как он глуп?»

О, нет! Она это видела с тоской, почти с отчаянием, но свежесть и красота этого человека кружили ей голову, дразнили и влекли эту праздную, нервную и скучающую женщину. Из всех её увлечений это было самое сильное.

Алексеев, между тем, продолжал вслух, с наслаждением затягиваясь и выпуская колечки дыма:

– Ведь в таких «бутонах», как Наденька, собственно что хорошо, помимо их свежести? То, что душа их там, что ли... это – лист белой бумаги, нетронутый лист, на котором мужчина пишет своё слово, дурное или хорошее... по большей части, дурное... Это первая заповедь на скрижали... Впо-

следствии, когда весь лист к концу жизни исписан вдоль и поперёк, первое слово всё-таки помнится. И оно, собственно, даёт всему миропониманию женщины его индивидуальный, так сказать, колорит...

– А разве лист непременно должен быть дописан? – вполголоса, не оборачиваясь, спросила Варвара Андреевна.

Она, не сморгнув, глядела в золотистую даль, в далёкое поле, где блеяло, приближаясь, стадо, и где щёлкал поминутно кнут пастуха.

– Обязательно. Некоторые из них так покрыты разнообразными почерками, так грязны и запутаны, что разобраться в этих иероглифах не взялись бы и учёные специалисты... А что касается любовников...

– Ах, Михал Семёныч! Право, неинтересно! – так и затрепетала Анна Егоровна.

– Один из писателей – не помню, право, кто – сказал: «Есть женщины, никогда не имевшие любовников»...

– Слава Богу! Хоть *это* вы допускаете...

Алексеев опять пустил Анне Егоровне дым в лицо.

– Даже охотно... Но беда в том, что, по словам того же писателя, нет такой женщины, которая имела бы *одного* любовника...

– Этот ваш писатель, должно быть, не видал порядочных женщин! – так и вскинулась опять соседка.

«Тебя-то он, наверное, не видал», – подумал Алексеев и закончил вслух:

– И всего интереснее то, что как первого бала, так и первого любовника женщина не забывает никогда...

– И последнего, – тихо кинула Варвара Андреевна.

Муж внимательно сощурился на её тонкий профиль.

– А ты как, сестра, об этом полагаешь? – осведомился Алексеев, чуть поворачивая голову к качалке, на которой лежало что-то огромное и бесформенное, покрытое дороною пёстрой материей.

– Отстань!.. Я перестала думать, – раздался умирающий, словно, голос.

Это «что-то» была сестра Алексеева, Леонила Семёновна. Огромный веер в её жирной руке лениво, но безостановочно обвевал её бледное, отёкшее лицо. Когда-то эта бесформенная масса была женщиной, красивой, неглупой и доброй. Но к сорока годам Леонила Семёновна стала жиреть и тупеть. Этой тучности не уменьшали ни воды, ни купанья, ни массаж. В сорок пять лет Леонила Семёновна, имея все данные для счастья, окружённая любящими детьми и добрым мужем, богатая и беззаботная, в буквальном смысле слова влачила жизнь, всюду таская, с трудом и отвращением, груз своего тела.

– Сестра, ведь, и ты когда-то была стройна и эфирна, а теперь куча кучей... Фу ты Господи!.. Как жизнь-то уходит!

– Уф!.. Умираю, Мишель... И зачем только живут такие несчастные, как я?

– А собственно говоря, твой возраст, Варя, тоже интере-

сен, – продолжал Алексеев, посасывая свой дорогой мундштучок, и, по обыкновению, нельзя было понять, шутит он или говорит серьёзно. – Ты теперь подходишь к типу, известному в литературе под названием бальзаковских женщин... Интересный возраст, что говорить! Недаром за границей романисты уже не выбирают девушек в героини. Пресновато да слащаво всё с ними выходит... А описывают женщину от тридцати до сорока лет. Это, народным слогом говоря, *отдание* молодости, как бывает отдание праздника... Жажда жизни в это время необыкновенная, даже трогательная... Скверно только то, что женщины в эти годы почти неизбежно влюбляются в мальчишек. А им, в сущности, каждая юбка дорога... Они даже толком оценить не умеют всего аромата, что ли... этой запоздавшей мучительной страсти.

На этот раз лицо и плечи Варвары Андреевны дрогнули. Муж заметил это и остался доволен результатом.

– Мне кажется, – внушительно заметила Анна Егоровна хозяйину, – что порядочная женщина никогда не позволит себе влюбиться ни в старика ни в мальчишку...

– Это вам только так кажется, – невозмутимо отпарировал он.

Горничная внесла самовар.

– Где Надежда Дмитриевна? – строго спросила хозяйка.

– Они на пироги выдают-с...

Горничная знала, что Наденька наверху перечёсывается и надевает свежую батистовую кофточку. Уходя, горничная

переглянулась с кормилицей, гулявшей в цветнике. Вся женская прислуга знала о романе Наденьки и покровительствовала ей, в пику хозяйке.

– Скоро ли чаю? – спросил Алексеев. – О Господи!.. Умрёшь просто от жажды...

– Весь самовар выкипит, пока она явится, – нервно ответила хозяйка.

Щёки её пылали от досады, но ей в голову не приходило самой заварить чай.

– Серёжа!.. Опять по цветам? Боже мой!.. Наташа... Кто там?.. Кормилица... Да пошлите вы Наденьку! Это несносно, наконец!

– Помилуйте, – злорадно усмехнулась Анна Егоровна. – Дайте нарядиться! Что я вам говорила, Варвара Андревна? Вы её так избаловали, что ей от вас одна дорога – на содержание поступить... Она тем и кончит.

– И прекрасно сделает, – подхватил Алексеев. – Всё лучше, чем увлечься каким-нибудь прохвостом и очутиться на мостовой... Ты как об этом думаешь, сестра?

– Отстань! Ничего я не думаю!

Алексеев докурил папиросу и бросил дымившийся окурок на песок дорожки.

– Да-с, Анна Егоровна, на этот раз вы совершенно правы. Наденьке, да и всем в её положении, этой дороги, всё равно, не миновать... Что ж! Поживёт, по крайней мере, в своё удовольствие...

– Проповедуйте, проповедуйте!

– Но только не нам судить её, потому что все мы её на эту дорогу толкаем. И я, и вы, и Варя... все...

– Michel!.. Qu'est-ce que vous radotez?¹

– Мы?.. Мы толкаем? – визжала Анна Егоровна, всплещивая руками.

– Ничего не radotez... Вот я себя имею претензию считать и честным и незлым человеком... А, ей-Богу, доведись только, и не задумаюсь девчонку погубить... Обленился я только теперь, зажирел. А будь-ка я как Максим Николаич... Хо-хо!.. И оправдание себе нашёл бы всегда: не я, так другой...

– Ну, прекрасно! – вспыхнула Варвара Андреевна. – Но мы-то, я-то при чём?

– Ты? Ты всех, быть может, виноватее... Не спорю, ты не злой человек... ты даже с кухаркой вежлива... А слышала ли от тебя Наденька хоть одно человеческое слово? Так, хоть раз?.. Кроме «подай» и «принеси» – ничего... Ты вон над книгами плачешь, над дурацкими драмами слёзы льёшь. А видела ли ты хоть раз в ней человека, словом... которому и любить и жить хочется, как тебе?

– Дайте ей *carte blanche*² завести любовника! – шипела Анна Егоровна.

– Которому и отдохнуть хочется... которому и больно и тяжело бывает подчас?.. Что она для тебя? Бонна, которой

¹ Что вы болтаете? – *фр.*

² Карт бланш, разрешение (*прим. верстальщика*).

ты платишь десять рублей, и считаешь свои обязанности относительно её конченными... И всегда даёшь ей чувствовать разницу между её и твоим положением... Поневоле тут повиснешь на шею первому, кто приласкает...

– Я не знаю, если уж у нас плохое место...

– Верно, хуже бывает... Но допусти ты, развитая и гуманная женщина, что девушка на твоих глазах увлечётся... Что тогда? Поможешь ты ей? Или на улицу вытолкаешь?

– Нет... Как можно! – хихикала Анна Егоровна. – Мы её детей будем крестить и воспитывать... *Est-ce charmant*³, Леонила Семёновна? Бонна с любовниками...

– Да уж, действительно, матушка! Чем век чужим детям носы сморкать, да драки их разнимать, это уж лучше своих ребят нарожать...

– *Quelles expressions!*.. Michel!⁴

– Ни свободы ни развлечений... В девять часов, с курами и деточками вместе, бай-бай не угодно ли? А тут такие ночи!.. Да я бы давно сбежал на её месте!

– Это, конечно, легче, чем работать, – язвительно подхватила Варвара Андреевна. – Теперь и гимназистки в бонны идут. А эта мешчанка, неуч... Да надо же кому-нибудь за детьми ходить!

– Вот я бы тебя на недельку в её шкуру посадил... Тебе чашку вымыть трудно, иголку взять в руки лень. И по дому

³ Это очаровательно – *фр.*

⁴ Что за выражение!.. Мишель! – *фр.*

и за детьми – всё Наденька...

– Михаил Семёныч... Я, кажется...

– Кончил, матушка, кончил... Я уж сам не знаю, чего это я вдруг так разболтался? Не в моих правилах с бабьём язык трепать...

– Мерси! – хихикнула Анна Егоровна.

– Да вот эти архаровцы-винтёры чего-то там застряли... Этакая скучища! – он зевнул во весь рот. – Погляди-ка, сестра – тебе дорогу видно, – не идут ли трое с деревни?

– Ох!.. Не повернусь!.. Гляди сам...

– Да ты только голову поверни...

– Сам гляди, сам... Изнемогаю!

– Чудная какая! Ведь, мне встать для этого нужно, а тебе только голову повернуть...

– Отстань!.. До ночи не доживу...

– Э-э-эх! – закричал Алексеев. – Витя! Серёжа!.. Слышите, дети? Витя, беги за угол, взгляни, не идёт ли крёстный... Тебе говорят, Витя?

Мальчики даже не обернулись, хотя отлично слышали.

Они, сидя на корточках близ клумбы, тыкали хворостинками жалкого земляного червя. Он был уже наполовину раздавлен, но ещё судорожно цеплялся за жизнь и искал спасения от своих мучителей.

– Фу, скучища!.. И чего они там застряли? Точно не знают, что здесь околеваешь с тоски? Весь день пропал зря...

В эту минуту вошла Наденька. Лицо её так и пылало.

«Как напудрилась!» – враждебно подумала хозяйка.

Анна Егоровна обдала бонну презрительным взглядом и отвернулась, не отвечая на её вежливый поклон. Наденька дерзко усмехнулась. Офицер сдержанно, почти небрежно поклонился девушке, не подавая руки. Она подняла на него влюблённый взор, но заметила зоркий взгляд хозяйки и озабоченно загремела ключами.

– Вам с сахаром, Михаил Семёныч?

С мужчинами, особенно с теми, которым надо было нравиться, Наденька говорила голоском двенадцатилетней девочки, каким говорят актрисы на ампуа *ingénue*⁵. Наденька, в свои двадцать два года, тоже была прекрасной актрисой. С пятнадцати лет живя на местах, она научилась лицемерить, лгать, униженно целовать в плечо нужных людей и говорить дерзости там, где почему-либо чувствовала свою силу. У неё была целая гамма тонов и целый запас готовых выражений, которыми она владела в совершенстве. Она, где нужно было, не имела своего мнения и воли. Если ей говорили: «Какая чудная погода, Наденька!.. Не пойти ли гулять?» – «Отличная погода, – отвечала она с восторгом. – Пойдёмте!» Но стоило через минуту капризной барыне заметить: «Пáрит что-то... Не остаться ли? Дождь пойдёт, пожалуй?» – Наденька тотчас соглашалась: «Ах, очень парит... Конечно, лучше остаться».

Но под этой маской ключом била страстная жажда жизни

⁵ наивная – фр.

и наслаждения. Она завидовала хозяйке и втайне ненавидела её. Детей она тоже не любила. Дело её претило ей...

Она была слишком умна, чтобы не видеть двусмысленности своего положения. Отстав от одного берега, она к другому не пристала. Незаконная дочь бывшей горничной и барина, она с детства инстинктивно тянулась вверх. Бегая на побегушках, ещё девчонкой мечтала о нарядах... На местах она держалась барышней, хотя считалась прислугой. Горничные говорили ей «ты» и гнушались убирать за нею. За Наденькой ухаживали и господа и лакеи. Но она была практична и держалась стойко. Ей даже, через какую-то портниху, выходил случай сделаться содержанкой богатенького старичка; это было года три назад. Она отвергла это предложение.

Она говорила «беспрерывно», «колидор» и ела с ножа. Но одета была по моде, всё жалованье тратила на туалет и искренно оскорбилась бы, если б ей сделал предложение мещанин либо мелкий лавочник. Она понимала, что дворянину она тоже не пара, но... молодость подсказывала ей какие-то сладкие, неясные грёзы какого-то далёкого, невозможного счастья... Она мечтала встретить хорошего человека, иметь свою квартирку, своих детей, прожить век барыней и честной женщиной, которую каждый нахал не смеет целовать впотьмах, прижав где-нибудь к стене, пользуясь её незащищённостью... Но годы уходили, и бледнели мечты. Часто ночью она плакала украдкой от детей и прислуги. Ах! Если б у неё был добрый, любящий муж, она не стала бы обманывать его

с первым попавшимся верхолетом, как все эти барыни, тайны которых она знала!.. Она так натерпелась за эти семь лет от детей, кухарок и светских дам, что молилась бы, кажется, на того, кто дал бы ей возможность жить по-людски.

Когда чай был разлит, Наденька тотчас состроила почти-тельно-умильную улыбочку, и сама понесла чашку на маленький столик у качалки, куда перед этим приносила приготовленный ею клюквенный морс со льдом.

– Как вы себя чувствуете, дорогая Леонила Семёновна? – и у неё даже голосок дрогнул от участия.

– Уф!.. Умерла... Не спрашивайте, душа моя...

Алексеев, кряхтя, добрёл до угла, откуда с минуту глядел на дорогу, рукой как щитком прикрыв глаза, и, наконец, вернулся на террасу.

– Пойду сейчас на деревню... И какого чёрта они там сидят? Дайте, Наденька, мою шляпу!.. А папиросы-то вы забыли набить?

– Нет, не забыла, – пропела Наденька. – Сейчас принесу... – и она выпорхнула с балкона.

– Умница-девочка! – Алексеев послал ей вслед воздушный поцелуй. – Просто без неё как без рук, – объявил он, ни к кому, собственно, не обращаясь.

Наденька вернулась с наполненным портсигаром и огромной панамой хозяина.

– Ну, спасибо, мой ангел... А мой стакан вылейте в полоскательницу... Ну его! Только время с ним потеряешь по-

пусту...

– Удивительная страсть у вас этот винт, – вмешалась Анна Егоровна. – Ведь, как чаю ждали!

– У всякого своя страсть, матушка. У меня винт, а у вас сплетни... Что вреднее, пораздумайте-ка на досуге...

Анна Егоровна в лице переменялась. Она никак не могла привыкнуть к выходкам Алексеева. Это был первый человек, который не только не боялся её языка, но даже явно глумился над ней.

– Вы не обиделись, дорогая Анна Егоровна? – тревожно осведомилась хозяйка. – Не обращайтесь внимания... Он у нас такой... такой *enfant terrible*⁶...

И тёплым взглядом она проводила всё ещё красивую фигуру мужа, который, она знала, был и сейчас умнее всех её «друзей».

Михаил Семёнович, действительно, был когда-то и неглуп, и чуток, и добр, как сестра его, – пассивно, впрочем. Но среда скоро притупила в нём все высшие запросы. По мере того, как жирело его тело, заплывала жиром, казалось, и его душа. В сорок лет он имел хлебное место и был свободен от крайностей и увлечений. Женился он по страстной любви, но скоро охладел к жене, изменял ей, бегал от домашних сцен ревности... Когда жена разлюбила его и, в свою очередь, завела любовника, он сознался перед самим собой, что она вправе это делать, и встречал «друга дома»

⁶ ужасное дитя – фр.

с добродушной насмешкой, как всё в жизни, которая никогда не казалась ему трагедией. Его даже забавляло следить за романами жены, поджидать минуту её разочарования и с мелким чувством злорадства сознавать собственное превосходство над её избранниками... Теперь всё его нравственное содержание исчерпывалось страстью к винту. Любил он и детей, положим, но вспоминал о них только за обедом, когда перед ним появлялись их цветущие рожицы. Он даже не был уверен, что это его собственные дети... «Да и не всё ли равно, в сущности?» – рассуждал он сам с собой.

Но «жил» Михаил Семёнович только за винтом, объявляя «без козыря»... Его глаза снова блестели, голос звучал бодро, он чувствовал себя человеком, а не «копной»... Без винта он жил как бы спросонья, томясь ожиданием партии.

На террасе продолжали чаепитие. Офицер подсел к столу и играл ножом для хлеба. Из-под рукава его, на тонкой кисти сверкал золотой обруч браслета. Эта именно вычурная, модная безделушка и высокие ботфорты больше всего dokonали бедную Наденьку. В её глазах это был верх изящества.

С бесстрастным лицом она поила детей и наливала стаканы. Ложки звенели в чашках, разговор падал и замирал.

– Ma sœur⁷, хотите ещё чаю? – осведомилась хозяйка.

– Всё равно... Ох батюшки!.. Когда же это жар спадёт?

А жар, между тем, спадал. Солнце заходило. На лужайку от леса легли длинные холодеющие тени и тянулись те-

⁷ сестра моя – фр.

перь жадно к террасе, всё ближе, как чьи-то гигантские руки, ищущие обнять всех, кто сидел там. Только на верхушках сосен алел тающий отблеск зари. Стадо прошло, и с деревни уже громко доносились теперь щёлканье кнута, мычание коров, крики баб и детский плач... Ещё немного, и лёгкий туман закурился над лужайкой. Вся луговина вдали дымилась. Из-за тёмной щетины леса показалось как бы зарево. Это выплывала огромная красная луна.

Под предлогом выбрать из сахарницы какие-то воздушные стружки, офицер, пользуясь минутой общего дамского разговора, нагнулся над столом, где сидела Наденька, и шепнул, почти не двигая губами:

– Когда все заснут... в роще...

Наденька вспыхнула, потом сильно побледнела, но тотчас нашлась:

– Покрепче вам, вы сказали?

Но её дрогнувший голос выдал её, и этого было довольно для Варвары Андреевны. Она выпрямилась и вся побелела. То, о чём она догадывалась с мучением и тоской весь этот месяц, теперь стало для неё уже несомненным. Слов она не слышала, но хорошо поняла маневр своего любовника.

Внезапно разговор упал, и среди этой зловещей тишины вдруг раздалось ворчание Вити:

– Не трогай мяч... Я первый взял...

– Нет, врѣшь, – опять раздражѣнно протестовал Серѣжа. – Сам не трогай... Я первый взял...

Хозяйка встрепелулась.

– Ведите их спать!.. Давно пора! – резко приказала она, бросая неумолимый взгляд на девушку. – Вы никогда не знаете ваших обязанностей... – и в этом взгляде Наденька прочла свой приговор.

В свою очередь, она поднялась, молча глядя на Варвару Андреевну, не желая скрыть вызова, злобы и торжества, которым дышало её лицо. Всего секунду длился этот разговор без слов.

Неся высоко голову, но втайне горя со стыда от унижения, которому её подвергали в глазах Максима Николаевича, Наденька прошла в палисадник. Там она взяла детей за руки и буквально потащила их домой. Мальчики отбивались и кричали, что не хотят спать... Наденька не внимала. Она сама не сознавала ясно, что делает.

Варвара Андреевна вспыхнула.

– Вы с ума сошли! Что вы делаете? – закричала она, перегибаясь через перила.

– И-и-и!.. – вопили мальчики.

– Почему вы их тащите? Слышите вы, что я говорю? – вдруг взвизгнула хозяйка и топнула ногой. – Неужели нельзя... нельзя уговорить!.. Как-нибудь помягче!.. Это... это я не знаю что!

Губы и руки её дрожали.

– Образцовая бонна! – хихикнула Анна Егоровна. – Помилуйте! Где ж нам, такой принцессе, унизиться до угово-

ров!

– Дети, да пойдёмте же! – с мучением в голосе сказала Наденька и до боли сжала детские ручонки.

Она и ребят в эту минуту ненавидела не меньше, чем их мать.

«Завтра откажу, непременно завтра откажу!» – завертелось в голове Варвары Андреевны. Она взволнованно забегала по террасе. Лицо её горело. Когда она проходила мимо офицера, он поймал её взгляд и постарался придать своему лицу выражение нежности и огорчения. Но она резко отвернулась, во внезапном приливе отвращения, и стала спускаться в палисадник. Она знала, что выдаёт себя головой перед Анной Егоровной, но ей теперь было всё равно...

– Куда же вы? – окликнула её гостья.

Она спешно шла в рощу, через лужайку. Её душили слёзы.

Офицерик вскочил в испуге, потоптался на террасе и сел опять, встретив ядовитый взгляд и змеиную улыбку соседки.

– Роса падает... Вы ноги промочите, – крикнул он вслед, уже для очистки совести.

Хозяйка не ответила. Тогда он схватил фуражку и начал прощаться. Это расстраивало все его планы. Надо помириться...

«Лжёт, лжёт... И давно уж обманывал, – с горечью и ужасом думала хозяйка. – И что он нашёл в ней? Ничего, кроме её двадцати лет. Боже мой! Боже мой!.. И неужели я уже так увяла, что не могу конкурировать даже с Наденькой? И

если б ещё не на глазах, не в моём доме!.. И эта развратная девчонка... за всю мою доброту... Завтра же откажу, непременно. Пусть пропадает!.. Пусть идёт по рукам!.. Это у неё в крови!..» – решила она с жестокостью несчастного человека.

Максим Николаевич спешно догонял её.

Дети долго не засыпали, капризничали и ссорились. Наденька, ломая руки, ходила по комнате и убеждала их заснуть. О! Как она их ненавидела!

Наконец они заснули.

Наденька сидела на кровати, сжав голову в руках. Сумерки сгущались. Луна подымалась выше. Через серебристую траву лужайки лес кинул бархатную тень к самой даче. Он дышал неостывшим ещё жаром и смолистым ароматом в открытое окно детской.

Под окном росла молодая берёзка. Когда набегал ветерок, она раздумчиво качала головой и, лепеча что-то, тихонько стучала веткой в стекло, как будто звала или напоминала... И всякий раз от этого лёгкого стука Наденька вздрагивала с головы до ног и оглядывалась в тьму леса.

«Я жду»... – как бы шептал он ей.

Наденька знала, что ей откажут завтра от места, и она очутится на мостовой. Мать... Это воспоминание кольнуло её... Она не может приютить её в чужом доме, где служит экономкой. Она будет плакать, попрекать, назовёт дармоедкой... и даже хуже... Друзей нет, денег тоже нет про чёрный день. Никто не вступится за неё, не пощадит, не поможет... «Ми-

хаил Семёныч?...» – блеснула на мгновение надежда и тотчас угасла. Нет... Он бесхарактерный и слишком любит свой покой. Ах! Если бы кто-нибудь, с кем посоветоваться, перед кем поплакать!.. Одинокая... среди чужих и равнодушных людей...

Но ужас завтрашнего дня бледнел перед настоящим моментом, перед мучительной борьбой, возникшею в её душе.

Она любила страстно, безрасчётно... Всё подготовило её к этой развязке: и растлевающая атмосфера этого праздного дома, как бы пропитанная вечной жаждой наркоза и наслаждения; и поведение самой хозяйки, властно и назойливо будившее врождённые инстинкты Наденьки, которые дремали раньше, заглушаемые стыдливостью, страхом, надеждой на что-то лучшее... Встреча с Максимом Николаевичем выбила её окончательно из колеи. Его отношение к Наденьке было травлей, откровенной до цинизма, без малейшей дымки какой-либо иллюзии. Он, действительно, так рассуждал: «Не я – так другой... Не нынче – так завтра... Это её судьба»... И она знала, что он без жалости бросит её; она почти была уверена, что он даже не любит её... Но ей было всё равно...

Кто-то из детей зачмокал во сне и, хныча, перевернулся в постельке. Наденька вздрогнула.

Он будет ждать... Идти или нет?

До сих пор они виделись урывками, на минуту. Она напрягала всю волю, чтоб избежать его... Это будет первое свидание. Наденька понимала, чем рискует. Невинная в свои два-

дцать два года, она давно утратила наивность... «Не надо идти»... – твердила она себе... Если узнают, всё будет конечно. Её выгонят с позором на улицу, втопчут в грязь, ей даже откажут в рекомендации на другое место...

Но тут ей вспоминались глаза Максима Николаевича, запах его усов, ощущение от его жадного поцелуя, эти мягкие, горячие, чувственные губы... «Боже мой! Боже мой! Что мне делать?» – без слёз рыдала она.

Горничная тяжело протопотала вниз, неся холодный самовар. На террасе стихли голоса. Анна Егоровна ушла к себе.

Наденька сверху видела, как вернулась хозяйка, и в саду мелькнул белый китель офицера. Он что-то горячо говорил ей. Он её успокоил, конечно. Ведь, он мастер заговаривать зубы...

Стемнело. Прошёл час. Может, больше. Наденька слышала, как офицер проскакал рысью под её окном. За деревней он свернёт в рощу и будет ждать... Наденька спустилась по лестнице в кухню и остановилась на крыльце. Прислуга замолчала (говорили, значит, о ней) и глядела на неё с любопытством.

И девушка догадалась, что там, в комнатах, участь её уже решена.

– Посуду мыть будешь, что ли, Надя? – ласково и мягко спросила её горничная. – А то, пожалуй, я вымою... Бог с тобой!

Она не слыхала. «Идти или нет?..» – как молотом било ей в голову.

– Вы бы сахару выдали для теста, да яиц оставьте! – напомнила кухарка, трогая девушку за рукав.

Она машинально опустила руку в карман, где зазвенели ключи, и двинулась к чулану. Только когда кухарка замешкалась с провизией, она обернулась, и в голосе её дрогнули слёзы.

– Скорей же!.. Ради Бога, скорей!

Её была лихорадка.

Она прошла через двор, стараясь держаться в тени. Все окна уже были освещены, и на террасе готовились ужинать. Она скользнула в калитку... «Скорей, пока не видят, пока не позвали»...

Там, в тени у забора, она остановилась, вся дрожа... «Идти или нет?..»

Перед ней как бы всплыли ехидная улыбка Анны Егоровны, жестокие глаза её страдающей, униженной соперницы...

Она заломила руки над головой и с отчаянием подняла глаза на задумчивое, бледное небо. Крупная одинокая звезда зажглась там, высоко, под взглядом Наденьки, и, казалось, глядела на девушку с неммым вопросом.

Красота ночи отравой проникала в нервы; эта отравка разливалась по телу и обессиливала. Кровь била в виски... «Идти или нет?..» – в последний раз спросила она себя. Казалось, она извне ждала толчка.

А лес чернел вдали, неподвижный, таинственный... Он манил какими-то одуряющими чарами, он сулил впереди волшебные сны...

«Вот как гибнет наша сестра»... – отчётливо вдруг сказало в сознании Наденьки.

Она уже не колебалась, не боролась. Безвольная, заворожённая властью растущего желания, стояла она, и слёзы восторга закипали в груди... Любовь ли, обман ли?.. Всё равно!.. Радости хочется, ласки... Взять своё счастье и хоть раз дать его другому!.. Всю себя отдать без расчёта!.. На мгновение стать свободной и равной им всем... Стать счастливее хозяйки, счастливее богача!

А одинокая звезда наверху глядела в поднятые зрачки Наденьки и, тихо мигая, как бы говорила ей: «Да... да... да»...

«Наденька-а-а»... – послышался ей сверху детский плач. Может быть, почудился только? Но это решило всё.

Она вздрогнула, прижмурила веки и, держась в тени, пошла вперёд... почти побежала... быстро-быстро... скорей... туда...

Навстречу судьбе...